

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «СЕРГЕЙ РЯБОВ против РОССИИ»

(Жалоба № 2674/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

17 июля 2018 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

17 октября 2018 года

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Сергей Рябов против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в составе:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,
Бранко Лубарда,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Пере Пастор Виланова,
Алина Полачкова,
Мария Элосеги, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя 19 июня 2018 года заседание за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано на основании жалобы (№ 2674/07), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Сергеем Евгеньевичем Рябовым (далее — «заявитель») 18 декабря 2006 года.

2. Интересы заявителя представляли К. Москаленко и А. Маральян, адвокаты Центра содействия международной защите, НПО, расположенной в г. Москва, Россия. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он подвергся жестокому обращению во время нахождения под стражей в милиции и что использование признательных показаний, полученных в результате жестокого обращения и ставших основанием для вынесения обвинительного приговора, привело к несправедливому судебному разбирательству по его делу.

4. Жалоба была коммуницирована Властям 14 марта 2013 года.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1980 году. В настоящее время он отбывает наказание в г. Бежецк Тверской области.

А. Жестокое обращение с заявителем во время его нахождения под стражей в милиции

6. 10 июля 2005 года тело Б., водителя, являвшегося сотрудником ОВД Рузского района Московской области, с многочисленными травмами было обнаружено недалеко от деревни Бараново в Рузском районе. На следующий день прокуратура города Руза возбудила уголовное дело по факту убийства Б.

7. 11 июля 2005 года время заявитель был задержан ночью тремя сотрудниками милиции в доме П. По его словам, он не сопротивлялся аресту, но полицейские нанесли ему как минимум семь ударов по ногам, почкам и в область паха. После ареста он был доставлен в изолятор временного содержания (ИВС), расположенный в здании ОВД Рузского района. Затем двое полицейских вывели его из камеры и отвели в комнату. В комнате один из сотрудников милиции нанес заявителю около 12 ударов резиновой дубинкой по всему телу. Затем его отвели назад в камеру ИВС. Вскоре после этого другой сотрудник милиции вошел в камеру и нанес заявителю пять ударов по лицу и телу. Во время жестокого обращения сотрудники требовали, чтобы заявитель признался в убийстве Б.

8. В 4.05 утра 11 июля 2005 года в ИВС Л., следователь прокуратуры города Руза, составил протокол задержания заявителя. В период между 15.05 и 17:20 заявителя допрашивали в ИВС как подозреваемого в присутствии назначенного государством адвоката К. Заявитель признался в преступлении, заявив, что нанес жертве несколько ударов. В протоколе допроса было указано, что заявитель был проинформирован о своем праве не свидетельствовать против себя согласно статье 51 Конституции.

9. В тот же день члены семьи заявителя были уведомлены о его задержании. Они наняли адвоката Р., который пришел на встречу с заявителем в тот же день. По словам заявителя, прокурор Рузского района отказал Р. в доступе к нему на том основании, что последнего в тот момент допрашивали как подозреваемого в присутствии назначенного государством адвоката.

10. Вечером 11 июля 2005 года мать заявителя увидела, что заявитель появился в телевизионной программе «Времечко». По ее словам, он едва мог двигаться и имели место явные признаки

жестокое обращение. В 22.35 в тот же день Р. направил телеграмму в Рузскую районную прокуратуру с запросом о встрече с заявителем. Он также потребовал провести медицинское освидетельствование заявителя, который, предположительно, подвергся жестокому обращению в ИВС. На следующий день Р. повторно направил свои запросы в новой телеграмме, направленной в прокуратуру Московской области.

11. 12 июля 2005 года заявитель предстал перед судьей Рузского районного суда, который вынес постановление о его заключении под стражу. Р., представлявший заявителя на слушании, утверждал, что последний подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников милиции с момента его задержания. Прокурор ответил, что телеграммы, направленные Р. и содержащие эти обвинения, были получены и что по ним будет проводиться проверка.

12. По словам заявителя, в ходе слушания 12 июля 2005 года он сообщил судье и прокурору о жестокое обращении с ним со стороны сотрудников милиции и показал им следы избиений. Однако данные утверждения остались без ответа, и никакой реакции на них не последовало. После слушания сопровождающие охранники доставили заявителя на первый этаж здания суда и подвергли его жестокому обращению. Они ударили его в область почек, требуя, чтобы он признался в совершении преступления. Избиения продолжались около десяти минут с перерывами; впоследствии заявитель был доставлен в ИВС.

13. 13 июля 2005 года, после встречи с заявителем, Р. подал заявление в прокуратуру Рузского района для немедленного перевода заявителя в следственный изолятор г. Можайска Московской области. Он заявил, что заявитель подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников милиции в ОВД Рузского района, что причастные сотрудники милиции могли вмешаться в расследование этого инцидента. На следующий день он направил аналогичную жалобу в прокуратуру Московской области, добавив, что трое братьев Б. работали в ОВД Рузского района в период нахождения заявителя под стражей в этом учреждении. По словам заявителя, он был переведен в следственный изолятор ИЗ-50/4 в Можайске Московской области только 24 июля 2005 года.

В. Доследственная проверка по жалобе заявителя на жестокое обращение

14. 12 и 13 июля 2005 года заявитель жаловался прокурору Московской области на предполагаемое жестокое обращение с ним со стороны сотрудников милиции в период его задержания, нахождения под стражей и нахождения в здании суда.

15. 14 июля 2005 года судебно-медицинский эксперт судебного медицинского бюро г. Рузы осмотрел заявителя по запросу следователя прокуратуры. Эксперт зафиксировал следующие травмы: (i) два синяка на веках размером 3 см на 2,5 см и 2,5 см на 1,5 см; (ii) синяк на подбородке размером 3 см на 3 см с ссадиной на его поверхности размером 1,5 см на 1,5 см; (iii) одиннадцать синяков на спине размерами от 0,3 см на 0,7 см до 7 см на 1,5 см; (iv) девятнадцать синяков на груди и животе размерами от 1 см на 1 см до 2 см на 13 см; (v) две ссадины на левой ноге (от колена до стопы) длиной 1 см и 5 см, соответственно, и (vi) ссадина длиной 6 см на внутренней стороне левого бедра. Заявитель заявил, что травмы были нанесены во время его задержания и в то время, когда он находился под стражей в милиции, сотрудниками милиции, которые наносили удары кулаками и ногами, а также избивали его дубинкой. Эксперт пришел к выводу, что травмы могли быть нанесены в дату и в обстоятельствах, описанных заявителем, твердым тупым предметом с ограниченной площадью поверхности. Он уточнил, что ушибы могли быть нанесены тяжелым тупым предметом удлинненной формы и что травмы заявителя вряд ли были вызваны его падением с высоты собственного роста.

16. 21 июля 2005 года, после проведения доследственной проверки, заместитель прокурора г. Рузы отказался возбудить уголовное дело в отношении двух сотрудников милиции, Ш. и Д.К., ввиду отсутствия состава преступления в их действиях, а также против неустановленных сотрудников милиции ввиду отсутствия доказательств преступления в их действиях. Он постановил, в частности, что травмы заявителя могли быть результатом законного применения силы сотрудниками милиции Ш. и Д.К. при задержании заявителя, который сопротивлялся аресту. Они заявили, что они применили силу законным образом во время задержания заявителя и что им пришлось свалить его на пол и, надевая наручники на него, они прижали его коленями к полу, чтобы его обездвигить. В постановлении было указано, что П., который присутствовал при аресте заявителя, не подтвердил утверждения заявителя о жестоком обращении. Заместитель прокурора также счел, что предполагаемое жестокое обращение неустановленных сотрудников милиции с заявителем в ИВС не было доказано. Он опирался на показания сотрудников милиции У., Б и В.П. (которые находились на дежурстве в ИВС 11 июля 2005 года) и отклонил подозрения в каком-либо злоупотреблении служебным положением в отношении заявителя.

17. В августе 2005 года прокурор города Руза подал представление начальнику ОВД Рузского района, потребовав, чтобы он провел внутреннюю проверку по факту жестокого обращения с заявителем со стороны неустановленных сотрудников милиции в ИВС и привлечь ответственных за это лиц к дисциплинарной ответственности.

18. Р. подал апелляцию на постановление от 21 июля 2005 года в Рузский районный суд. 16 августа 2005 года прокурор города Руза отменил постановление от 21 июля 2005 года и потребовал провести дополнительную проверку утверждений заявителя о жестоком обращении. В своем постановлении прокурор утверждал, что следователь должен представить результаты продолжающейся внутренней проверки предполагаемой незаконности содержания заявителя под стражей в ИВС, проверить утверждения заявителя и оценить их.

19. Приказом от 22 августа 2005 года начальник ОВД Рузского района объявил выговор за не проявление усердия сотрудникам милиции У. и Б., дежурившим в ИВС, когда туда привезли заявителя. Он постановил, что в нарушение закона о содержании под стражей 11 июля 2005 года два неустановленных сотрудника милиции вывели заявителя из камеры и подвергли его жестокому обращению.

20. 26 июня 2006 года Р. направил запрос прокурору города Рузы с целью предоставления данных по результатам дополнительной проверки. 30 июня 2006 года прокурор предоставил ему копию постановления, вынесенного следователем прокуратуры города Рузы от 23 августа 2005 года, с отказом в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции. Следователь прокуратуры города Рузы Н. подтвердил выводы, представленные в постановлении от 21 июля 2005 года.

21. В августе 2006 года Р. подал апелляцию на решение от 23 августа 2005 года в Рузский городской суд. Он заявил, что следственный орган не смог объяснить происхождение травм заявителя.

22. 9 октября 2006 года Рузский районный суд постановил, что вышеупомянутое постановление было незаконным и необоснованным и что необходима дополнительная проверка. Он постановил, что следователь не выполнил инструкции, данные прокурором в его постановлении от 16 августа 2005 года, в частности, принять все необходимые меры для выявления виновных и привлечения их к уголовной ответственности.

23. Согласно заявлениям Властей, 26 октября 2006 года следователь прокуратуры города Руза вынес новое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции. Однако Власти не представили копию этого постановления. По словам заявителя, ни он, ни его адвокат не были уведомлены об этом решении.

В. Судебное разбирательство по делу заявителя

24. 28 февраля 2006 года в Московском областном суде началось судебное разбирательство в отношении заявителя и его

соподсудимого, осуществляемое судом присяжных. Заявитель себя виновным не признал. На слушании 14 марта 2006 года Л., который представлял интересы заявителя во время судебного разбирательства, подал ходатайство о признании неприемлемым и исключении из совокупности доказательств протокола допроса заявителя в качестве подозреваемого. Он утверждал, что показания, данные в ходе этого допроса, были получены путем жестокого обращения с заявителем и в присутствии назначенного государством адвоката, который не действовал в наилучших интересах заявителя. Л. также ходатайствовал о рассмотрении отчета от 14 июля 2005 года, содержащего результаты судебно-медицинской экспертизы заявителя.

25. Суд первой инстанции отклонил оба ходатайства, отметив, что утверждения о жестоком обращении со стороны сотрудников милиции не были доказаны. Суд опирался на отказ в возбуждении уголовного дела в связи с предполагаемым жестоким обращением от 23 августа 2005 года (см. пункт 20 выше), который в то время не оспаривался. Суд также отметил, что заявитель не возражал против участия К., назначенного государством адвоката, в разбирательстве и, согласно протоколу допроса, не делал никаких замечаний в отношении отказа от его услуг. Кроме того, суд счел, что содержание отчета судебно-медицинского эксперта не является частью действительных обстоятельств, которые должны быть определены присяжными. Таким образом, было разрешено зачитать в суде присяжных протокол допроса заявителя в качестве подозреваемого от 11 июля 2005 года.

26. 11 апреля 2006 года присяжные признали заявителя виновным в нанесении побоев, незаконном присвоении автомобиля, убийстве, причинении умышленного ущерба имуществу и приобретении имущества, полученного преступным путем. Московский областной суд приговорил заявителя к 18 годам лишения свободы.

27. Заявитель подал апелляцию на приговор в Верховный Суд Российской Федерации, сославшись, в частности, на то, что первоначальные показания, которые он дал в ходе расследования, были неприемлемыми.

28. 13 июля 2006 года Верховный Суд РФ отклонил апелляцию заявителя и оставил в силе приговор Московского областного суда. Он заявил, что суд первой инстанции должным образом провел оценку утверждений заявителя о жестоком обращении, отметив, что заявитель никогда не отрицал, что сотрудники милиции применили силу, чтобы сдержать заявителя во время задержания.

29. 12 октября 2007 года по ходатайству адвоката заявителя прокуратура г. Рузы вновь возбудила уголовное дело по вновь открывшимся обстоятельствам, а именно в связи с определенной информацией в медицинской карте потерпевшего. Однако разбирательство было прекращено 25 октября 2007 года, и (после

апелляции адвоката заявителя) окончательным решением от 18 февраля 2008 года Верховный Суд оставил это решение в силе.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

30. Статья 413 Уголовно-процессуального кодекса, в которой излагается порядок возобновления уголовных дел, в соответствующей части гласит следующее:

«1. Вступивший в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено [ввиду] новых или вновь открывшихся обстоятельств.

...

4. Новыми обстоятельствами являются:

...

(2) установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с:

(а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

(б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод...»;

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

31. Заявитель жаловался на то, что он подвергся жестокому обращению во время задержания и во время содержания под стражей в милиции со стороны сотрудников милиции с целью получения признательных показаний. Он также жаловался в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции на то, что не было проведено эффективного расследования по его жалобе.

32. Европейский Суд рассмотрит оба аспекта жалобы по статье 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

33. Власти заявили о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, указав, что заявитель не обращался с апелляциями на решение следователя от 26 октября 2006 года. Они также утверждали, что документы, касающиеся внутригосударственной проверки утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны полиции, были уничтожены 15 декабря 2011 года. Кроме того, Власти заявили, что невозможно было установить место содержания заявителя под стражей с момента его ареста в 4:05 11 июля 2005 года до вынесения постановления о задержании на следующий день, поскольку ИВС ОВД Рузского района Московской области был закрыт в 2010 году.

34. Заявитель настаивал на своих жалобах и отметил, что он обжаловал два решения об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции. Оба решения были отменены либо прокурором, либо судом. Заявитель также утверждал, что ему не предоставили копию последнего решения (от 26 октября 2006 года). Тем самым, он не мог обжаловать данное решение.

А. Приемлемость жалобы

35. Что касается заявления Властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, Суд отмечает, что заявитель обжаловал решения следователя от 21 июля и 23 августа 2005 года во внутригосударственных судах. Оба решения были впоследствии отменены. Последнее решение (то есть решение от 23 августа 2005 года) поддерживало те же выводы, что и решение от 21 июля 2005 года, и не затрагивало недостатки, указанные прокурором при отмене предыдущего решения. В таких обстоятельствах Суд не убежден в том, что обжалование заявителем в судебном порядке решения следователя от 26 октября 2006 года, которое могло привести только к таким же результатам, то есть к отмене решения, позволило бы заявителю получить какую-либо компенсацию (см. постановление Европейского Суда от 6 декабря 2016 года по делу «Михаил Николаев против России» (*Mikhail Nikolayev v. Russia*), жалоба № 40192/06, пункт 76).

36. Более того, в настоящем деле Суд не может установить, удалось ли заявителю оспорить решение следователя от 26 октября 2006 года. Ни одна из сторон не представила копию этого решения; заявитель утверждал, что он так и не получил такую копию. Поэтому Суд не может согласиться с тем, что апелляционная жалоба на решение следователя была доступна заявителю (см. постановление Европейского Суда от 16 октября 2014 года по делу «Мостипан против России» (*Mostipan v. Russia*), жалоба № 12042/09, пункты 39-40). Суд полагает, что заявитель не был обязан прибегать к вышеуказанным

средствам правовой защиты и, таким образом, данное возражение Властей должно быть отклонено.

37. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также указывает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

38. Применимые общие принципы были описаны Большой Палатой Европейского Суда в постановлении по делу «Бойид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*) (жалоба №23380/09, пункты 81-88, ECHR 2015). В частности, в случае, когда рассматриваемые события полностью или большей частью находятся в сфере исключительной осведомленности органов власти, как, например, когда лицо содержится под стражей под их полным контролем, возникают обоснованные предположения в отношении телесных повреждений, полученных во время такого содержания под стражей. Бремя доказывания, следовательно, возлагается на Власть, которым следует привести удовлетворительное и убедительное объяснение, предоставив устанавливающие факты доказательства, ставящие под сомнение версию событий, представленную потерпевшим. При отсутствии такого объяснения Суд может сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для Властей. Это основано на том, что лица, находящиеся под стражей, находятся в уязвимом положении, и органы власти обязаны защищать их (там же, пункт 83).

39. Суд также напоминает, что согласно утвердившейся прецедентной практике, применение сотрудниками милиции силы в процессе задержания лиц является нарушением статьи 3 Конвенции, за исключением случаев, когда такое применение силы является неизбежным и не носит чрезмерного характера. Бремя доказывания соответственно лежит на Властях (см. постановление Европейского Суда по делу «Ребок против Словении» (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, пункты 72-78, ECHR 2000-XII, и, среди недавних источников, постановление Европейского Суда от 21 января 2016 года по делу «Борис Костадинов против Болгарии» (*Boris Kostadinov v. Bulgaria*), жалоба № 61701/11, пункты 52-54).

1. Убедительность утверждений заявителя о жестоком обращении во время содержания под стражей в милиции и презумпция факта

40. Суд отмечает, что заявитель был задержан в качестве подозреваемого в рамках уголовного судопроизводства 11 июля 2005

года утром и доставлен в изолятор временного содержания. Несмотря на отсутствие официальной записи, подтверждающей его прием в ИВС ОВД Рузского района, дежурные сотрудники милиции не отрицали, что заявитель был заключен под стражу в этом здании 11 июля 2005 года (см. пункт 16 выше). Более того, по результатам внутренней проверки в ОВД Рузского района, в какой-то момент заявитель был выведен двумя неизвестными сотрудниками милиции из своей камеры ИВС и подвергся жестокому обращению (см. пункт 19 выше). Судебно-медицинский эксперт установил, что заявитель имел многочисленные травмы, которые могли быть нанесены 11 июля 2005 года тяжелым тупым предметом; синяки могли быть результатом ударов твердым тупым предметом удлиненной формы. Суд полагает, что данные травмы могли возникнуть в результате ударов, предположительно нанесенных заявителю сотрудниками милиции (см. пункт 15 выше).

41. Тот факт, что жертва Б. на момент убийства являлся водителем в ОВД Рузского района Московской области (см. пункт 6 выше), указывает на то, что заявитель был уязвим по отношению к сотрудникам милиции.

42. Указанных выше факторов достаточно для возникновения презумпции в пользу версии заявителя и для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что утверждения заявителя о жестоком обращении во время нахождения под стражей в милиции заслуживают доверия. В этой связи, государство должно было провести эффективное официальное расследование (см. среди прочих источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 131, ECHR 2000-IV).

2. Было ли проведено эффективное расследование по жалобам заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции

43. Суд также отмечает, что утверждения заявителя о том, что телесные повреждения возникли в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милиции, были отклонены внутригосударственными следственными органами. В основу своих выводов следователи положили результаты доследственной проверки, которая представляет собой первый этап работы с заявлением о возбуждении уголовного дела в соответствии с российским законодательством. При этом в случае обнаружения признаков преступления в ходе проверки следственные органы возбуждают уголовное дело (см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункт 129). Два решения следователя с отказом в

возбуждении уголовного дела каждый раз отменялись либо вышестоящим прокурором, либо после решения суда о том, что оно было основано на неполной проверке, и выносилось распоряжение о проведении новой проверки. О третьем и последнем решении следователя, также с отказом в возбуждении уголовного дела, по-видимому, никогда не было сообщено заявителю.

44. Суд напоминает свой вывод о том, что само по себе проведение доследственной проверки в соответствии со статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является недостаточным в случае, если государственные органы власти не выполнили стандартов проведения эффективного расследования по заслуживающим внимания жалобам на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, установленных в соответствии со статьей 3 Конвенции. Органы власти обязаны возбудить уголовное дело и провести надлежащее расследование путем выполнения всего комплекса следственных действий (там же, пункты 129 и 132-136).

45. Суд не видит оснований для иного вывода в рамках настоящего дела, в котором имелись заслуживающие внимания утверждения о жестоком обращении, которые своевременно были доведены до сведения государственных органов власти. Суд устанавливает, что следственные органы не провели эффективного расследования по жалобам заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, как того требует статья 3 Конвенции.

3. Предоставили ли Власти объяснение, которое могло бы поставить под сомнение версию событий, представленную заявителем

46. Власти поддержали выводы следственных органов о том, что все травмы заявителя были результатом законного применения силы сотрудниками милиции при задержании заявителя из-за его активного сопротивления.

47. Суд отмечает, что следственные органы основывали свои выводы почти полностью на общих показаниях сотрудников милиции о том, что они применяли силу на законных основаниях. Следователи не установили каких-либо конкретных действий, предпринятых сотрудниками милиции при применении силы или любых действий со стороны заявителя, которые могли бы оправдать применение силы, то есть они не оценивали, была ли такая сила обязательной, а не чрезмерной. Более того, объяснение сотрудников милиции, что они положили заявителя на пол и прижали его коленями во время задержания, не соответствует количеству и характеру травм, зафиксированных судебно-медицинским экспертом (тридцать три ушиба и три ссадины на лице, спине, груди, животе и левой ноге).

48. Кроме того, начальник ОВД Рузского района признал, что в рамках внутренней проверки было установлено, что 11 июля 2005 года два сотрудника милиции подвергли заявителя жестокому обращению (см. пункт 19 выше).

49. Учитывая, что объяснения Властей были представлены по результатам поверхностной внутригосударственной проверки, которая не соответствовала требованиям статьи 3 Конвенции (см. пункт 45 выше), Суд полагает, что они не могут считаться удовлетворительными или убедительными. Суд полагает, что Власти не выполнили свое бремя доказывания и не представили доказательства, способных подвергнуть сомнению версию событий заявителя, которые подтверждаются медицинскими доказательствами и которые, таким образом, признаны установленными.

4. Правовая классификация обращения

50. Суд напоминает, что он рассматривал как «бесчеловечное» любое обращение, которое было преднамеренным, имело место на протяжении нескольких часов непрерывно или если в результате этого обращения был нанесен реальный физический вред человеку, либо причинены сильные физические или моральные страдания. Обращение признавалось «унижающим достоинство», если оно вызвало у жертв чувство страха, тревоги и неполноценности, способное оскорбить и унижить их и, возможно, сломить их физическое или психологическое сопротивление, или если оно вынудило жертву действовать против ее воли и совести (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункты 89-90, ECHR 2010, а также дела, ссылки на которые содержатся в указанном постановлении).

51. Принимая во внимание уровень жестокости и тип травм, нанесенных заявителю, Суд полагает, что сотрудники милиции подвергли его бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

5. Вывод

52. Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

53. Заявитель жаловался на то, что его осуждение основывалось на самоинкриминирующих показаниях, которые он дал в результате жестокого обращения с ним и в отсутствие выбранного им адвоката.

Он ссылался на пункт 1 статьи 6 Конвенции, соответствующая часть которого гласит:

«1. Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела ... судом ...»

54. Власти оспорили данный довод, ссылаясь на выводы судебных органов. Они указали, что утверждения заявителя о жестоком обращении были неподтвержденными и что его травмы были результатом законного применения силы сотрудниками милиции в ходе его задержания. Заявитель был допрошен в качестве подозреваемого в присутствии назначенного государством адвоката, услуги которого он не отклонил. Оспариваемые доказательства не были единственным доказательством, на котором основывалось осуждение заявителя. Власти, таким образом, полагали, что жалоба является явно необоснованной.

55. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе. Он заявил, что назначенный государством адвокат не действовал в его интересах и что, в частности, он не заметил многочисленных ушибов и ссадин заявителя, и что его присутствие во время допроса заявителя в качестве подозреваемого не могло считаться достаточным для защиты заявителя от нарушения его прав.

А. Приемлемость жалобы

56. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также указывает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

57. Суд напоминает, что использование признательных показаний, полученных в результате пыток или иного жестокого обращения в нарушение статьи 3, в качестве доказательства для установления соответствующих фактов в уголовном судопроизводстве, делает разбирательство в целом несправедливым. Данный вывод применялся независимо от доказательной силы показаний и независимо от того, было ли их использование решающим при вынесении решения о виновности обвиняемого (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Гефген против Германии», пункт 166, с дальнейшими ссылками, и, среди прочих источников, постановление Европейского Суда от 6

октября 2015 года по делу «Турбылев против России» (*Turbylev v. Russia*), жалоба № 4722/09, пункт 90).

58. Суд установил, что заявитель подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению во время содержания под стражей в милиции (см. пункт 51 выше). Суд отмечает, что 11 июля 2005 года заявитель дал самоинкриминирующие показания в рамках допроса в качестве подозреваемого. Эти показания составили часть доказательств, использованных против него. Московский областной суд не счел их неприемлемыми, и присяжные приняли их во внимание при вынесении вердикта о виновности заявителя. Суд не провел собственную независимую оценку соответствующих медицинских и прочих доказательств с целью установления наличия оснований, исключающих из числа доказательств эти показания, которые были предположительно получены в нарушение статьи 3 Конвенции. Напротив, он опирался на решения следственных органов, которые, как было установлено Судом, были основаны на проверке, которая не отвечала требованиям статьи 3. Отсутствие тщательной оценки качества оспариваемого доказательства и обстоятельств, при которых оно было получено, не было исправлено Верховным Судом Российской Федерации.

59. В таких обстоятельствах Суд не убежден доводом Властей о том, что самоинкриминирующие показания заявителя следует рассматривать как данные им добровольно. Суд приходит к заключению, что независимо от возможного влияния показаний заявителя, полученных под давлением, на результат уголовного разбирательства в отношении него, их использование в качестве доказательств сделало судебное разбирательство в отношении заявителя несправедливым (см., в отношении аналогичной аргументации, постановление Европейского Суда от 11 декабря 2012 года по делу «Тангиев против России» (*Tangiyev v. Russia*), жалоба № 27610/05, пункт 76, и постановление Европейского Суда от 15 ноября 2012 года по делу «Замфереско против Украины» (*Zamferesko v. Ukraine*), жалоба № 30075/06, пункты 70-71). Этот вывод устраняет необходимость отдельного рассмотрения жалобы заявителя на то, что юридическая помощь, предоставленная ему К., назначенным государством адвокатом, сделала судебное разбирательство в отношении него несправедливым (см. постановление Европейского Суда по делу «Александр Коновалов против России» (*Aleksandr Kononov v. Russia*), жалоба № 39708/07, пункт 55).

60. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

61. Заявитель представил дополнительные жалобы статье 6 Конвенции. Тем не менее, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы, а также в той мере, в которой эти жалобы относятся к его компетенции, Суд не усматривает признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции или Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалобы подлежит отклонению как явно необоснованная согласно подпункту «а» пункта 3 и пункту 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

62. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

63. Заявитель потребовал 10 000 евро в качестве компенсации неимущественного вреда, если бы государство отменило свой приговор и инициировало бы новое судебное разбирательство, исключив из совокупности доказательств самоинкриминирующие показания заявителя, данные после задержания. В случае отказа государства начать новое судебное разбирательство заявитель потребовал 150 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Заявитель также ходатайствовал об обязанности внутригосударственных органов власти провести эффективное расследование по его жалобам на жестокое обращение с ним со стороны сотрудников милиции.

64. Власти оспорили эти требования как необоснованные, указав, что они связаны с предполагаемой незаконностью осуждения заявителя. По их мнению, удовлетворение требований заявителя означало бы отмену судебного решения в отношении заявителя и оправдание его по всем уголовным обвинениям, что выходит за рамки компетенции Суда.

65. В настоящем деле Суд установил нарушения статей 3 и 6 Конвенции. В данных обстоятельствах Суд полагает, что страдания и расстройство, причиненные заявителю, не могут быть компенсированы одним лишь признанием факта нарушения. Принимая во внимание прочно утвердившуюся прецедентную практику и делая свою оценку

на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 10 000 евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма.

66. Кроме того, Суд ссылается на свое прочно утвердившуюся прецедентную практику о том, что, если заявитель пострадал от нарушения его прав, гарантированных статьей 6 Конвенции, необходимо, чтобы он был поставлен, насколько это возможно, в такие условия, как если бы требования вышеуказанного положения нарушены не были. Наиболее подходящей формой компенсации, в принципе, будет возобновление судебного разбирательства при наличии соответствующего ходатайства (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*), жалоба № 46221/99, пункт 210 *в конце*, ECHR 2005-IV), и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 2 ноября 2010 года по делу «Сахновский против России» (*Sakhnovskiy v. Russia*), жалоба № 21272/03, пункт 112). Данное положение применимо и к заявителю по настоящему делу. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает возобновление уголовного производства в случае установления нарушения Конвенции Европейским Судом (см. пункт 30 выше).

В. Расходы и издержки

67. Заявитель также требовал выплатить 150 000 российских рублей в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных им в ходе предварительного следствия и в национальных судах в ходе производства по уголовному делу в отношении него, и в ходе разбирательства в Суде.

68. Власти оспорили данные требования на том основании, что отсутствовали какие-либо доказательства того, что такие расходы были действительно понесены.

69. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. Суд убежден, что договор оказания юридических услуг (в отношении внутригосударственного разбирательства и разбирательства в Суде), заключенный с адвокатом заявителя, создает юридически закрепленные обязательства по уплате указанных в нем сумм. Суд также отмечает, что не все жалобы, представленные заявителем, были признаны приемлемыми. Принимая во внимание эти соображения, документы, находящиеся в его распоряжении, и вышеупомянутые

критерии, Суд считает разумным присудить сумму в размере 2 000 евро в отношении внутригосударственного разбирательства и разбирательства в Суде, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

70. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной учетной ставки Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *объявил* жалобы заявителя о предполагаемом жестоком обращении, неэффективности последующего расследования и использования в судебном разбирательстве признаний, предположительно полученных под давлением, приемлемыми, а остальную часть жалобы - неприемлемой;
2. *постановил*, что было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах;
3. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
4. *постановил*,
  - (a) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
    - (i) 10 000 (десять тысяч) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации неимущественного вреда;
    - (ii) 2 000 (две тысячи) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
  - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанных сумм выплачиваются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта.

5. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 17 июля 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь Секции

Хелена Йедерблом
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судей Келлер, Пастора Виланова и Элосеги.

Х.Й.
Дж.С.Ф.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ КЕЛЛЕР, ПАСТОРА ВИЛАНОВА И ЭЛОСЕГИ

71. Мы полностью согласны с большинством судей в их выводах о нарушении статьи 3 (см. пункт 52 постановления), хотя мы не можем присоединиться к ним в их классификации жестокого обращения, понесенного заявителем, как бесчеловечного и унижающего достоинство обращения (см. пункты 50-51 постановления). По причинам, приведенным ниже, мы считаем, что такое обращение следует классифицировать как пытку.

72. При классификации жестокого обращения как пытки прецедентная практика в первую очередь придавала вес двум факторам. Во-первых, Суд учитывал «интенсивность» страданий (см. постановление Европейского Суда от 18 января 1978 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), пункт 167, Серия А № 25). Поэтому особым клеймом пытки следует отмечать «преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее очень серьезные и жестокие страдания» (см. постановление Европейского Суда от 18 декабря 1996 года по делу «Аксой против Турции» (*Aksoy v. Turkey*, пункт 63, *Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека* 1996-IV); постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Селмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, пункт 96, ECHR 1999-V; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункт 90, ECHR 2010). Во-вторых, Суд отметил «целенаправленность» как элемент пыток, а именно «нанесение наказания или запугивание с целью, *среди прочего*, получения информации» (см. постановление Европейского Суда по делу «Аккоч против Турции» (*Akkoç v. Turkey*), жалобы №№ 22947/93 и 22948/93, пункт 115, ECHR 2000-X, и упоминавшееся выше постановление по делу «Гефген против Германии», пункт 90; см. также статью 1 Конвенции Организации Объединенных Наций против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания).

73. Суд должен определять баланс этих элементов относительно друг друга в каждом конкретном деле. Некоторые формы жестокого обращения могут быть недостаточными для того, чтобы самостоятельно представлять собой пытки, но могут являться таковыми, если они связаны с определенной целью, например, с получением информации от подозреваемого. Если жестокое обращение применялось с целью получения признания, Суд обращал особое внимание на этот факт (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Аксой против Турции», пункт 64;

постановление Европейского Суда по делу «Дикме против Турции» (*Dikme v. Turkey*), жалоба № 20869/92, пункты 95-96, ECHR 2000-VIII; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, пункт 115, ECHR 2000-VII, в котором Суд рассматривал не только «характер и степень жестокого обращения», но и «серьезные выводы, которые могут быть сделаны из доказательств, полученных при допросе»; упоминавшееся выше постановление по делу «Селмуни против Франции», пункт 98).

74. Мы полагаем, что в данном деле следовало придерживаться такого подхода. Изложение фактов заявителем (которое, по заключению суда, было признано заслуживающим доверия, см. пункт 42 постановления), свидетельствует о том, что целью жестокого обращения было получение информации от заявителя и принуждение его признаться в предполагаемом преступлении (см. пункт 7 постановления). Это следует рассматривать в совокупности с тем фактом, что обращение, которому заявитель подвергся, было достаточно серьезным, чтобы отнести его, на наш взгляд, к границам того, что представляет собой пытку: согласно версии событий, изложенной заявителем, ему несколько раз наносили удары по всему телу (см. пункт 7 постановления). Версия событий заявителя была подтверждена судебно-медицинским экспертом, который отметил, среди прочего, наличие одиннадцати синяков на спине и еще девятнадцати на груди и животе заявителя (см. пункт 15 постановления).

75. Тяжесть этого жестокого обращения, рассматриваемого в свете цели получения признательных показаний, должна побудить Суд классифицировать такое обращение как пытку согласно статье 3.